

Некоторые данные по культу медведя у ниже-ангарских тунгусов Киндигирского рода.

(Баргузинский округ сев.-зап. Забайкалья).

За время этнографических изысканий в 1919, 20 и 21-м годах в северном Прибайкалье мне удалось собрать некоторые сведения по культу медведя. Правда, сведения эти не представляют чего-нибудь цельного; вероятно, у той же народности можно собрать еще кое-что, произведя дополнительные изыскания. Тем не менее, в виду интереса, который представляет для этнографии культ медведя у сибирских туземных племен и неполноты собранных данных по этому вопросу, я решаюсь опубликовать свои отрывочные записки.

В предлагаемом ниже тексте тунгусские слова записаны мною применительно к транскрипции русской академической. К сожалению, типографские условия не позволяют выдержать написание вполне научно. Сочетание *ng*—везде заднеязычное *n* (Кастреновское *gutturale nasal*); *дж*—африката, соответствующая сербскому *џ* (с „птичкой“ наверху). Ударные гласные там, где это возможно было сделать, напечатаны курсивом. Цитируемые авторы указаны в следующих сокращениях: Cast.—Castrén, Cz — Czekański, Schief — Schiefner, Mayd.—Maydell; в приложении даны полные названия работ всех упомянутых в тексте и примечаниях авторов.

Границы землепользования.

Суглан тунгусов Киндигирского рода зимой 1919 года, основываясь на устном предании и материалах межевой книги 1795 г., так определил границы своих земель. По западному берегу озера Байкала в пределах Верхотенского уезда—до Котельниковского маяка (Горячие Воды); по восточному—до речки Амнудукан Первый. К юго-западу по берегу Байкала от этой реч-

ки до мыса Туркалаки имеют свои промысла тунгусы Шамагирского рода, которые перечислились из рода Киндигирского в особый род в 1844 году,¹⁾ а в конце 1919 г. возбудили ходатайство о причислении их снова к киндигирским тунгусам²⁾. На севере, по Верхней Ангаре, киндигирские земли граничат с землями тунгусов Чильчагирского рода «Раздельная линия идет по Красному Яру, в 60-ти верстах от устья В. Ангары, и по притокам Ангары: с левой стороны по Бирие, с правой—по Аккит, выше—по Джалинде и р. Маме, впадающей в Витим,—которая и является крайней северной раздельной гранью. Владенья Нижне-Ангарского Киндигирского рода тунгусов составляют земли по рекам с их притоками, впадающими в Байкал в указанных границах. Но киндигирские тунгусы, в виду ежегодного почти неуклонного уменьшения пушного зверя, спускаются за промыслами до вершин речек Ленской «пóкати» между низовьями Киренги и Витима—Минэ, Кутым, Чаи, Чуи и левого берега Мамы.

Количество киндигирцев в 1920 году исчислялось в 300 душ обоего пола.

Их администрация и общественные экономии сосредоточены в селе Душкачан (55°51' с. ш. и 109°39' вост. долг.), расположенном на правом берегу речки Душкачан, в 8-ми верстах от устья р. Кичеры и паромной пристани Чичевки (Нижне-Ангарск). Сюда дважды в год (в апреле и ноябре) выходят тунгусы, чтобы продать пушнину и запастись продуктами.

Промысел медведя.

Медвежья шкура хороша до Петровок, потом медведь линяет, а с Петровок—«апеть корош» (снова хорош). Поэтому, очевидно, охота за медведем может продолжаться круглый год. Трудно добыть его зимой, когда «дедушка» лежит в берлоге (awgun, Cz. 359), которую под снежными наметами отыщет разве лишь изощренный испытанный глаз. Но если охотник приметил весной или летом логовище медведя, или запомнил старую берлогу («старый берлок»), то зимой стрелять его очень удобно. Берлогу отрывают, вход заламывают слемами и палят в отверстие, где торчит морда встревоженного медведя. Чтобы удостовериться, убит-ли зверь, тычут в глубину ямы копьём (гада, оноптун). Если зверь жив, он «отшибет» лапой древко копья; в результате, одна берлога может дать 3—4 медведя,—пока будет «отшибаться» копьё.

Раньше охотились немного иначе. Сейчас еще жив 80-летний тунгус киндигирец, Константин Николаевич Урончин. Рассказывают, что в молодости бывало, войдя в азарт, Урончин

привязывал к поясу веревку, конец отдавал товарищу, а сам лез в берлогу и резал спящего медведя, как поросенка. Это был своего рода спорт. С другим таким-же спортсменом (Павел Коморов, теперь уже «покойный») тунгусы боялись ходить на промысел. Горячий был охотник, страха не знал. На медведя шел днем и ночью, если отыщет—идет в упор и только «краснет да бледнет»³⁾.

Лучше промысливать медведя весной, когда он—после Благовещенья—выходит из берлоги. Охота по «морьянам»—«пролысины» в горных россыпях, поросшие мелким кустарником; на них скорее тает снег и пробивается зелень. Медведица выводит туда днем из берлоги детенышей. Шкура медвежья в это время «настояшна головна» (настоящая головная—высший сорт, «головка»).

В июне у медведей течка. В это время самец зол и беспощаден. Таким он бывает иногда еще осенью. Не успеет зажить перед лежкой («заблудящий какой-нибудь») и потом кидается на всех.

Но и весеннего медведя бьют все-же. Особенно нерповщики по берегу Байкала. Медведь тоже «нерпует»—ходит ночами по морскому берегу и подбирает дохлую нерпу.

К июлю медведица «обгонится» (конец течки). «Ходит» 9 месяцев. Щенится, обычно, великим постом в берлоге двумя детенышами (чаще всего). В следующую осень с ними же ложится зимовать; часто вместе с ними зимует пестун (*баркачан*, Cz. 397).

Медвежьи имена.

Киндигирские тунгусы различают шесть возрастов медведя: *утукан*—медвежонок до года; *баркана*—по 2-му году (срав. выше *баркачан*), *ујекачан*—по 3-му году; *дальмар*—по 4-му; *хујор*—по 5-му; *шатамар*—по 6-му году.

В „Словаре“ Чекановского (тунгс. Ксндигирских Киренского округа, верховья Нижней Тунгуски) 2-хлетний медвежонок называется *хујукачан*, от *хујукуи*—маленький (у вилейск. тунгусов *hulvukun-fein gestossen*, Cz. 378)

Видовое название медведя—*манг*⁴⁾.

Но этот термин чисто технический, необходимый для торгового оборота и пушной отчетности „родового правления“. В охотничьем же быту тунгусов для обозначения медведя сохранены названия иные. Это или художественные метафоры, или религиозные величания. Я записал около десяти следующих „запретных имен“ медведя:

- 1) *Боборóвки*—сгорбленный, „кургузый“.

2) *Наптагады*—может быть, „громовик низкорослый“ Наптар—у Кастрена для урульгинских тунгусов (нерчинских, Заб. обл.)—*низкий* (тоже у киндигирцев) и *агды*—гром по Чекановскому (Cast. 85; мандж. акджан, манегрское по Мааку—*агды*, *агди*; тоже у тунгусов вилюйских,—см. Cz. 356; у киндигирцев *агды*—гром).

3) *Тактыкагды*—грому подобный, живущий в кедровнике, „*Тактыкагх*“—кедровник (Cz., 389).

4) *Обочи*. Я перевожу это название словом „страшный“. У Чекановского *обочи* (366), Миддендорфа *опочи*, Cast. 120—тунгусы Нижней Тунгуски) означает просто медведя рядом с другими „запретными“ наименованиями (сравн. у Третьякова—*анахи*, стр. 298).

5) *Челдон*—может быть, сибирское челдон—проказник, бродяга.

6) *Кункі*. Значения этого слова я не узнал точно. Киндигирцы говорят *кункиджерен*—„едят медведя“ (торжественное пиршество по случаю добычи медведя); *джерен*—окончание ind. präsens, 3 лицо sing. (срав. у Cast. стр. 37; у Cz., напр стр. 385, 387 и др.). В „Словаре“ Чекановского рядом с *кункі*—медведь стоит почти однозвучное *кути* Midd. и Pallas—*kumi*), что означает тоже медведь, но в следующей интерпретации: „это имя осмеливается употребить только тот, кто, будучи помят (gebissen) медведем, снова выздоровел“ (diesen Namen darf nur derjenige anwenden, der vom Baren gebissen, wieder hergestellt worden ist,—Cz., 37). Шифнер в предисловии к „Грамматике“ Кастрена наименование медведя *накитаі*, записанное Миддендорфом у тунгусов Н. Тунгусски (*накета*—у охотских), производит от *нака*—добрый (нерчинских тунгусов, Cast., 85), сопоставляя этот корень со словом *куті*, которое сравнивает с *куту*, что по Кастрену означает счастье (Cast. XIII) 5).

7, 8, 9) *Аміікан*, *амаі*, *амака*. Значение этих названий чрезвычайно интересно и довольно легко выяснимо. У киндигирцев *амакой* называют стариков, *амаі*—называют дети отца. То же самое записано Третьяковым для тунгусов туруханских (стр. 381, „*амаки*“, „*ами*“). В материалах Чекановского слова *амака* Шифнером разработано так: *амака* (=Вилюйск. т-сы) дед, медведь (точно так же у Ольчей по Максимовичу); сравн. *ама*—отец анадырских тунгусов и манджурское *амака*—свекор (Cz. 359; Захаров, 40) 6).

С приведенным материалом следует сравнить „подставные имена“ (Потанин), записанные Кастреном, Миддендорфом,

Спасским и Майделем. У Кастрена (стр. 100) Ваг=амікан, атірку, сайкаку, конгноря. Амікан Кастрен производит от амі—отец (стр. 72), атірку—от атірган—старик (73) ⁷). Сайкаку—Шифнер производит от сайканам—схватывать (Cast. XIII); конгноря—от конгнорин—черный (XIII, 80) ⁸). Из Миддендорфа и Спасского, кроме рассмотренных мною выше „подставных имен“ медведя, Шифнером приведены следующие: амурака (у северных тунгусов). Шифнер производит это слово от ама—отец (XIII). Мне кажется, лучше сопоставить амурака с амуран—отдыхать (Cast. 72), или, может быть, аміран—вотчим (ib. 72). Рычков, К. М. записал амурака, что, по его изъяснению, означает „вредного“ медведя, за которым туруханские тунгусы только и охотятся (стр. 63). У тунгусов охотских Миддендорф записал медвежьи имена—нгаленга, бакаја, ehökök. Первое слово Шифнер (сопоставляя его с галга у Спасского) производит от нгала—рука (Cast. 83, 85) ⁹). По моему, это несколько натянутое толкование, хотя эпитет „четверорукий“ и легко уживается с медведем. Скорее Миддендорфское нгаленга следует сопоставить с налам и нгалам—бояться у Кастрена (стр. 85), и тогда нгаленга можно переводить эпитетом страшный ¹⁰). Бакаја—имеет связь, может быть, с кастреновским бакам—finden (стр. 94). Значение ehökök определить затруднительно. У Спасского (тунгусы приохотские) записано интересное название медведя—учікан, что, по Шифнеру, имеет отношение к прилагательному учікі—косой (Cast. 77, XIII). У Чекановского учікі—кривое дерево (389). Через суффикс кан у тунгусов киндигирских образуются „уменьшительные“ имена (substant. или он придает оттенок добродушной насмешливости к предмету, название которого им суффиксировано. Так, киндигирцы сына своего священника называют поппикан. Название медведя видовое (мангі) иногда употребляют в форме мангикакун—что то в роде медведишко. Учікан можно перевести русским Косыгин.

У тунгусов амурских Маак записал название медведя—нянгняко (Пут. на Амур, стр. 49), В „Словаре“ Чекановского—нянгня означает небо (стр. 388); тоже у киндигирцев. След., нянгняко Маака допустимо переводить как „небожитель“ ¹¹).

Непохожее ни на одно из выше приведенных „запретных имен“ медведя записал барон Майдель у тунгусов анадырских. Название это һауја (см. Mayd. 347). Оно находится в тексте сказки, содержание которой занимательно для этнографа. У матери—муж ее потерялся—сын спрашивает однажды: „Мать, кто мой отец? Я не всегда был без отца?“ Мать отвечала: „Пень на улице твой отец“. „—Мать, если бы пень был моим отцом, я то же был бы пнем; где мой отец?“—Там на улице—сабака.—

„Нет,—когда бы он был собакой, я тоже был бы собакой; где мой отец? — Там в лесу, медведь (hâuja) твой отец.—Сын вышел и вскоре приволок за ухо медведя. Мать испугалась и закричала и т. д. Настоящий отец впоследствии отыскался, но характерно, что в сказке сын поверил, что отцом его мог быть медведь (стр. 347—348).

Добыча медведя в берлоге, пиршество и похороны медведя.

Киндигирец, отыскав зимой медвежье логово, обратившись лицом ко входу берлоги—который «заламывает», предваритель-но слежником—говорит: «Ошій овонькі оморен (амајаі дулун): «Не тунгус пришел к тебе, а якут заблудящий. Помаленьку вылезай, отец!». Следуют поклоны по направлению к отверстию берлоги, откуда показывается заспанная голова встревоженного царя лесов¹²⁾.

Когда медведь убит,—естественно, следуют извинения: «Не я тебя убил, якут убил»—(ошій бі варен, яку варен). Затем полагается «кухать». Это русское название обряда угощения близких и знакомых, всех, кто случится¹³⁾, кушаньем из мозгов убитого медведя (гулувун). Этот обряд практикуется, по рассказам, особенно у соседей киндигирцев—тунгусов верхне-ангарских. Там, обычно, если тунгусы развели в лесу огонь, уходя, они его непременно зальют. Но вот иногда, летом или под осень, где-нибудь в гольцах начинается пал,—это уж так и знай: «тунгусишки добыли медведя». Очевидно, огонь, на котором варилось кушанье гулувун, не гасят. У ольчей, по словам Шренка, воспрещается выносить из юрты во время медвежьего праздника огонь, взятый с очага, тогда как в другое время это отнюдь не воспрещается (т. III, 94).—Похлебку тунгусы с'едают, усевшись кругом, при чем выкрикивают: «Кук! кук!»¹⁴⁾ Н. М. Добромыслов в своей „Заметке по этнографии баргузинских орочен“ (Тр. Троиц. Кяхт., отд. V, в. I, 1902 г., стр. 82) дает сведения, между прочим, и об охоте на медведя. По его рассказу, тунгусы возвращаются с добытым медведем к юрте и там „начинают взмахивать руками на подобие крыльев птиц, прыгивая вверх, и кричат по вороньи, приговаривая: „Не мы тебя убили, а русаки“. Добромыслов же описывает обряд похорон убитого медведя. „Отрезают понемножку мяса от ноздрей, ушей, горла, позвоночного столба, оконечностей (? Е.Т.) лап и хвоста, укладывают все эти части на древесные ветви расположенные так, чтобы они изображали целого зверя и, покрыв такими же ветвями, уносят, приговаривая: „Не мы тебя убили, а русаки; не мы тебя ели, а вороны; мы же нашли твои кости и похоронили“, а затем кладут их на лабаз (род полатей на

дереве)¹⁵). Мне не приходилось присутствовать на этих похоронах, но, по опросам, у ниже-ангарских тунгусов они исполняются приблизительно в таком же виде. Только у них вместо «русаков» упоминаются якуты. Любопытно, что у якутов,—с которыми киндигирцы сталкиваются во время своих отдаленных охотничьих скитаний теперь и которые, кроме того, когда-то, по преданию, прогнали киндигирцев с берегов Олекмы¹⁶),—у якутов практикуется совершенно аналогичный порядок пира после добычи медведя. «Когда якуты, говорит Потанин, убьют медведя и едят его мясо, медведь слышит крики пирующих; чтобы обмануть его, мужчины, приступая к трапезе, кричат: «Кух! кух!», а женщины: «Таг! таг!» Якуты думают, что они подражают крику воронов, и, таким образом, вводят медведя в заблуждение; медведь думает, что его мясо едят не люди, а вороны». (Потанин, «Ерке», стр. 6)¹⁷).

Убрав череп освежеванного медведя так, чтобы он совсем походил на голову живого, кладут его на лабаз—вместе с кусочками от различных частей туши (сердца, «проходной кишки» (прямая кишка), глаза, уха), завернутых в «мошник»—лицом по направлению к западной стороне, и, повторяя, извинение, испрашивая успеха в промысле, машут рукой на западную сторону, куда медведь должен отправиться. Это дорога, по которой уходит Млечный Путь—*мангй шуушшнмдан*—«медведь по снегу прошел на лыжах». Тунгусы рассказывают, что медведь гнался за лосем (*токи*) по снежной дороге, что пересекла ночное небо с востока на запад, и задавил его на середине пути. «Вертук» лосиный остался влево возле тропы—«*токи дуукй*» (Орион), а нога валяется на правой стороне «*токи халганин*» (Большая Медведица). По этой ноге тунгусы считают ночное время. Потом медведь ушел на запад, уже усталый и обожравшийся, так что под конец даже едва волочил ноги—из одной тропы сделал две!

У соседей киндигирцев, Верхне-Ангарских тунгусов, дерево, на которое кладут голову медведя и части туши от левой стороны, «затесывается» с 4-х сторон. Обдирая медведя, тунгус просит у него «фарта». Перед тем, как разрубить какую-нибудь часть туши¹⁸), охотник сперва вздохнет: уһу!—а потом выкрикивает: кук! Так же кричит тунгус («кукает»), когда принесет добытого медведя на табор. Его крик слышат по юртам, все выбегают, машут руками и тоже выкрикивают: кук! кук!

Обычай тунгусов хоронить медвежьи кости на срубках отмечен многими путешественниками. Вот некоторые детали этого обряда, восполняющие мой материал. Маак в «Вилейском округе» пишет: И якуты и тунгусы оказывают медведю боль

шие почести и не только не произносят настоящего его имени, но даже медвежьи кости после трапезы тщательно собирают и складывают на высоких (до 2-х арш.) срубках (кэрэх). Подобные срубы очень часто можно встретить в лесах, где они устраиваются на 3-х срубленных деревьях, покрытых небольшими жердями, на которые кладут тщательно закрытые травой и кустами кости медведя. Медвежьи черепов на таких срубках я никогда не встречал: череп обыкновенно остается в виде трофея близ юрты якута, убившего медведя, и по числу черепов считается ежегодная добыча. Но и медвежьим черепам оказываются в некотором роде почести, судя по тому, что при устье Чоны якуты не совсем были довольны, что я забрал найденные мною черепа для пополнения своей зоологической коллекции». (Т. III, стр. 108).

Надо, впрочем, помнить, что этнографические материалы Маака случайны: великий путешественник занимался нашей наукой, так сказать «сверх программы». Поэтому он медвежьи черепы (найденные на срубках?) берет не как замечательные этнографические экспонаты, а «для пополнения своей зоологической коллекции». Поэтому же он, напр., в «Путешествии на Амур» вместо того, чтобы дать подробную и беспристрастную картину медвежьего культа у орочен, ограничивается следующим замечанием: «медведей, которые часто попадают к им в руки, они едят так же охотно, совершая перед употреблением этой пищи *смешные обряды* (курсив мой. Е. Т.). Они так же стараются оставлять в целости череп этого животного, который после трапезы тщательно обвязывают берестой и вешают на каком-нибудь дереве, в жертву злому духу (? Е. Т.)» (стр. 50).

И затем остается неизвестным, что это за «злой дух», и откуда автор взял, что в жертву этому духу вешают кости медведя.

Может быть, дело здесь идет не о каком-нибудь злом духе, а только о духе самого-же медведя. Может быть, это тот самый лесной дух Баянай (от Бай—богатый, по Бетлингу), в существование которого, по словам Маака, верят якуты и вилюйские тунгусы; от которого зависит удачный лов зверя; «в образе которого они, может быть, представляют себе медведя». (стр. 108—109, Вил. Окр.)¹⁹).

В религиозном представлении амурских ольчей, по словам Шренка, медведь связывается с душами утопленников. «Участь утопленника, пишет Шренк, в стране Бун (тот свет), а так-же погибших в лапах медведя та-же самая, что и жителей земли: его уносит лесной амба—чорт, и он (? Е. Т.) бродит по лесам в образе медведя» (т. III, стр. 133).

Не ясно, к сожалению, кто бродит по лесам в образе медведя—амба—чорт, или утопленник и погибший в лапах медведя. Этнографические материалы Шренка (т. III цитируемого издания) изданы не самим автором; кроме того, многое из этих материалов после смерти Шренка осталось в записных книжках и в отдельных не систематизированных и, может быть, не проверенных записях. Но показания Шренка глубоко занимательны. Он говорит, напр., что гольды погребают упрямьшленного медведя, как человека,—«вешают на деревья не только черепа медведей, но и остальные кости, пригодные для этого (? Е. Т.) около—берестяные бураки и короба, какие встречаются и на местах погребения людей» (стр. 97).

Медведь в медицине тунгусов и в обиходе хозяйственном.

Тайна магической мощи, после того как медведь уйдет в ту сторону, куда уходит день, остается в его (правой?) передней лапе (*мана*). Ее отрезают и сушат. Она висит в юртах при входе над дверным пологом (*уркол*). Если затвердевает вымя у оленьей матки, надо растирать его нагретой у костра медвежьей лапой. Русские крестьяне в Ангарске уверяют, что в котором доме есть медвежья лапа—там не «держатся» клопы. Но специальное назначение лапы в том, что она—хранительница молочного скота—олений, коров.²⁰⁾

Медвежья желчь (*джо*) помогает от кашля и «грудных» болезней. Если, например, у человека одышка, или он чахнет—надо пить с вином или с водой *джо*. Хранят ее в сушеном виде в желчном пузыре или в лекарственных пузырьках; *джо* повышает аппетит.

Медвежьим салом тоже «пользуют» простудный кашель. Жиром смазывают раны, пригнобленные места.

Мясо медведя употребляют в пищу (ср. примеч. 15). Из его мозга приготавливают кушанье—гулуун (у Верхне-Ангарских тунгусов—*сауон*),—похлебка, в которой к медвежьим мозгам (*ирго*) прибавлен олений «нутряной» жир (*бошонгда*) и оленье же мясо, нарезанное кусочками. Но самое лакомое блюдо—конечно, медвежий кишки, *кучи*. Их начиняют медвежьим жиром и отваривают²¹⁾.

Е. Титов.

Примечания к тексту.

¹⁾ Указ Иркутской Казенной Палаты от 2/XII, 1844 г., за № 13185. Архив Киндигир. Родового Правления в с. Душкочан.

²⁾ По 47 ст. «Положения об инородцах» предусматривалось: «Стойбище или улус, менее пятнадцати семейств имеющий, причисляется к другим, ближайшим». — У шамагирцев к 1920 году насчитывалось всего 12 «могущих» душ.

³⁾ Интересно сравнить с этим показания Богораза о ламутах. «Охота на медведя, пишет он, производится только тогда, когда у семьи нет пищи, и то далеко не всяким промышленником». «Многие промышленники не могут даже без страха взглянуть на след медведя, не говоря уже об охоте за ним» (Богораз, 65). Мои киндигирцы скорее напоминают тунгусов туруханских, о которых Третьяков заметил: «Тунгус, зайдя, что медведь начинает бежать, в досаде принимается срамить медведя и преследует его иногда в течение 2-х или 3-х суток». (Третьяков, 486) Между прочим, Маак для вилейских тунгусов, а Потанин для нижнеудинских — зафиксировали любопытный прием преследования медведей. «В Вилейских лесах, говорит Маак (Вил. окр., 109, т. III), мне неоднократно случалось встречать царапины когтей и следы медвежьих зубов на деревьях. Тунгус — проводник, заметив подобные следы, всякий раз делал ножом зарубку ниже. На мой вопрос, для чего он это делает, он отвечал, что, не желая встретиться с медведем, ставит свой знак на дереве ниже медвежьего; напротив, если бы он поставил знак выше, то непременно столкнулся бы с медведем» (Сравните — Потанин «Очер. Сев.-Зап. Монг., т. IV, 754).

⁴⁾ У Чекановского *омоти и хомоти* (ст. 367), тоже у Маака в «Вил. окр.», 109.

⁵⁾ Сравните у Третьякова (стр. 298) и Маака (Путеш. на Амур, стр. 49) — кути.

⁶⁾ Сравн. производные по Шифнеру, *амакачи* — медведь, *амікал* — pl, а также часто Sing. *амікан* (Cz. 359). У киндигирцев *амікун* — Бог. Маак для амурских тунгусов записал медвежье название *абай* (стр. 49). По Миддендорфу и Спасскому — *аміку* (Cast., 120). Шренк записал об ольхах: «Прозвище «старый» для тигра и медведя могло быть внушено тем страхом, какой внушают туземцам оба эти зверя. С тигром, как и с медведем, связаны, вероятно, одни и те же суеверные представления, "страх является побудительной причиной для изготовления идолов

того и другого зверя. Как и о медведе, туземцы не любят говорить о тигре, избегают произносить его имя и не решались показать нам идола из страха навлечь на себя какую-нибудь беду или болезнь» (т. III, стр. 116).

⁷⁾ Маак в «Вилуйском округе» записал: «Вилуйские тунгусы, во время охоты за медведем и в беседах о нем, называют его вместо *хомоти* (медведь), «ёттёрыкан» (стр. 109). В материалах Маака по тунгусскому яз., изданных Шифнером, атыкан—Alte, «этыкан—Greis (Mélanges Asiat, т. III, стр. 693).

⁸⁾ Ср. у Шренка: «Гольды называют медведя «сафармафа» —черный старик» (т. III, 116).

⁹⁾ Тоже у Чекановского, у тунгусов вилуйских, анадырских, у манегров и ольчей (стр. 386).

¹⁰⁾ У Чекановского «налеукааттен»—er setzt in Furcht, налеуканен—er setzte in Furcht (стр. 386, 387).

¹¹⁾ Сравните у Потанина (Очерки, т. IV, 757) Кереметь Камского Поволожья—сын неба, спустившийся на землю в образе медведя, и манджурское *курума*—зверь, похожий на тигра с свиною шетиною и пестрым лбом, которого мясом лечат зоб (Захаров, 295).

¹²⁾ Сравн. у Пекарского и Цветкова описание добычи медведя в берлоге приаянскими тунгусами: «Охотники громко кричат: «Отец наш! Мы тебя почитаем, не бойся нас! Страшный, пожалей! Страшный, смягчись! Мы жалкие, несчастные люди! Уна (увы), бедный человек! Смирись, боюсь» и т. д., а затем, как только в отверстие берлоги покажется голова медведя, «бедный человек» посылает своему «отцу» меткую пулю. Возгласам тунгусы приписывают большую силу: «Старые люди говорят, что медведь слушает их и, как будто, перестает метаться; так поступают исстари, почитая медведя, потому что он опасен». (Пек. и Цв., стр. 60).

¹³⁾ Сравн. у Богораза о ламутах: «Охота на медведя сопровождается пением умиловительных песен и разными искупительными обрядами. Мясо медведя впрок не может быть заготовлено; т. к. оно добывается только для насыщения голодной семьи, то его стараются с'есть как можно скорее, для чего созывают всех ламутов, живущих по соседству» (стр. 65). У Пекарского и Цветкова о приаянских тунгусах записано: «Если в котел вся голова не помещается, ее делят на 4 части: отделяют нижнюю челюсть и язык, а череп рассекают продольно пополам. Часто добыча раздается соседям. Члены компании, упрямлившей медведя, делят мясо поровну, а в котел кладут каждый из своей части поочередно и едят сообща» (стр. 60).

¹⁴⁾ Туруханские тунгусы, приготовляясь есть медвежье мясо... устраивают деревянные спицы и берестяные коробочки,

в которые каждый из них и складывает вытащенный из котла кусок мяса, остерегаясь уронить его на землю. Кости медведя сжигают или зарывают поглубже в землю (Третьяков, 487).

¹⁵⁾ Сведения цитированного автора не внушают абсолютного доверия. Он не этнограф, что видно хотя бы из фразы, которой Добромислов начинает свое любопытное все же—описание медвежьего ритуала: «В частной, так сказать, хозяйственной (?) жизни орочен, существуют иногда *куръезные* (курсив мой, Е. Т.) обычаи и *предразсудки* (Е. Т.), напр., в промысле медведя» (82).

¹⁶⁾ Сравните С. Патканов, «Опыт географии» и т. д., т. 2, стр. 5; Миллер «Описание Сиб. Цар.», стр. 27.

¹⁷⁾ Иван Афанасьевич Евсенин любезно вручил нам следующую заметку из своих этнографических материалов: «Убитого в берлоге медведя карагасы вытаскивают наружу, кладут на траву или на землю и производят над его трупом обряд умиловствования. Совершается воскурение арсой и салом, если таковые окажутся под рукой. Не делая здесь подробного описания этого умиловствования, отмечу, между прочим, один момент, общий многим турецким племенам южной Сибири. Еловой веткой гладят медведя «против шерсти», приговаривая: «Кик, кик, кик!»—Буряты улусов Шанай и Кукшин (Тулунского уезда) во время лунного затмения, стараются произвести большой шум и кричат по направлению к луне: «Кук, кук, кук!».

¹⁸⁾ Сравн. Пекарского и Цветкова: «При свеживании медвежьей туши, тунгусы никогда не разрубают костей медведя топором, а расчлениают по суставам» (стр. 60). Кости медведя, все без исключения,—наблюдая, чтобы ни одна не осталась,—вешают на дерево» (стр. 113).

¹⁹⁾ Сравн. у Маака («Путешествие на *Амур»): «Мясо и сало (медведя) употребляется в пищу; черепа, кости которых никогда не раздробляются, насаживаются на шесты в лесах или вблизи юрты, как жертва лесному божеству» (стр. 97).

²⁰⁾ Третьяков у туруханских тунгусов записал следующее на счет медвежьей лапы: «Содрав кожу с медведя, тунгус не прежде станет употреблять его мясо, как удостоверившись в том, что зверь не ел человека, что и делает следующим образом: отрубает лапу и бросает ее вверх; если она упала подошвою к земле, то это значит, что зверь не был людоедом (стр. 487).—Л. Я. Штернберг об орочах амурских (и гиляках) сообщил: они убеждены, что тигр или медведь, убивший человека, не настоящие тигр или медведь, а сумасшедшие или бродяги, брошенные своими хозяевами (Теротеизм, стр. 37). Киндигирцы считают самым злым и беспощадным медведем того, который осенью долго бродит по ягодникам, нагуливая жир для зимней

спячки (см. гл. 2). Чекановский записал специальное название для этого медведя: «хухх=Bummel-Bar (шатун) (Cz. 378) «der lange unherschweift und spät aufs Winterlager geht» (Cz. 416).

²¹⁾ Личков, Л. в 67 томе Энцикл. словаря Андреевского в статье «Тунгусы» пишет: Всякий раз, как привозится в дом убитый медведь, устраивается общественное празднество («кук». ?! Е. Т.), на котором поджариваются на масле (? Е. Т.) разрезанные на кусочки сердце и печень медведя, и каждый присутствующий, поднося ко рту кусок, кланяется медведю и извиняется перед ним, говоря, что в убийстве его отнюдь не повинны тунгусы, а русские или американцы. Пока варится мясо, жены не смеют входить в юрту» (Стр. 66).

О запрещении женщинам участвовать в пиршестве говорит Маргаритов: «В празднестве (медвежьем) у уйских ольчей женщины не только не участвуют, но даже не присутствуют при еде медведя, у тунджинских же женщины принимают почти полное участие» (стр. 4). Богораз о ламутах колымских записал: «Женщинам нельзя есть переднюю часть медведя; собакам нельзя бросать объедки медвежьего мяса. Кости медведя тщательно собирают, связывают вместе в виде полного скелета и оставляют в весу на особом помосте, соответствующем погребальному помосту людей, как его делали в старину» (стр. 65).

У енисейских тунгусов более деликатным угощением считается каша с медвежьим салом (Кривошапкин, т. II, стр. 34).

Литература *)

Богораз, В. Ламуты. (Из наблюдений в Колымском крае). «Землеведение», кн. I, 1900 г., стр. 59—72

Добромыслов, Н. М. Заметки по этнографии баргузинских орочен. (Труды Тр.—Кяхт. Отд. П. О. Р. Г. О., т. V, в I, 1902 г., стр. 78—87).

Захаров, И. Полный маньчжурско-русский словарь». СПб. 1875 г.

Castrén, M. A. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. StP. 1856 г.

Кривошапкин. «Енисейский округ и его жизнь». СПб. 1866, т. II.

Леснирович, С. Природа и население бассейна р. Тумни (Примор обл.) землеведение, 1897 г. кн. III—IV (описание медвежьего праздника).

*) Помещаемый здесь список сочинений, в которых можно найти сведения по культу медведя у тунгусов, не совсем полон. В библиотеках Иркутска и Читы не удалось собрать исчерпывающую библиографию о медвежьем культе.

- Личков, Л.* Тунгусы. Энцикл. сл. Андреевского, т. 67,
- Маак, Р.* Вилюйский округ Якут. обл. ч. III, изд. 1887 г. СПб.
- Его-же.* «Путешествие на Амур», 1856 г. СПб.
- Maydell, G.* Tungusische Sprachproben. Mitgetheilt von A. Schiefner. (Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de L'Académie Impériale des sciences de StP. t. VII, 1874 г. стр. 323—337.
- Маргаритов.* Об орочах императорской Гавани. СПб 1888 г.
- Миллер.* «Описание Сибирского Царства». 1887 г.
- Панканов, С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. II, Спб. 1906. (Зап. Р. Г. О. по отделу этн., XXXI, 1906 г.).
- Пекарский, Э. К. и В. П. Цветков.* Очерки быта приаянских тунгусов. Спб. 1913 г.
- Потанин, Г.* Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и сев. Монголии (Журн. Мин. Н. Пр. 1882 г. февраль).
- Его-же.* Ерке. Культ сына неба в сев. Азии. Томск. 1916 г.
- Его-же.* Очерки Северо-Западной Монголии т. IV, Спб. 1883 г.
- Сокольников, Н.* Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре. Этнограф. Обзорение, № 3—4, стр. 71 172
- Третьяков, П.* Туруханский край. (Записки Русск. Геогр. Общ. по общей географии, т. 2-й Спб., 1869, стр. 215—530).
- Czekanowski Alexander, Tungusisch. Wörterverzeichnis, herausgegeben von A. Schiefner. (Mélanges asiat, t. VII, livr. 1 et 2, стр. 335—416; 1887 г. StP.).*
- Шимкевич, П. П.* Материалы для изучения шаманства у гольдов. Хабаровск, 1896 г.
- Его-же.* Обычаи, поверья, и предания гольдов. Этн. Обзор. 1897 г. кн. XXXIV), стр. 135-147.
- Его-же.* Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия (Там-же).
- Schiefner, A.* Beiträge zur Kenntniss der tungusischen Mundarten (Mélanges Asiatiques, t. III, StP., 1859 г. стр. 682-706).
- Шишкевич,* Звериная промышленность Удского края и сопредельных к нему мест. (З. С. О. Р. Г. О., кн. 2, 1856, стр. 7—10).

Шренк, Л. Об инородцах Амурского края, т. III, Спб., 1903 г.

Штернберг Л. Теротеизм. Энци. Слов. Андреевского, т. 65, стр. 37.

Ядринцев, Н. М. О культе медведя, преимущественно у северных инородцев. Этно. Обзор. 1890, № 1, стр. 101—113

Обзор литературы по тунгусскому языку, материал наиболее ценный при всяком этнографическом изыскании,—читатели могут найти в статье проф. Котвича «Материалы для изучения тунгусских наречий» (Живая старина, 1909 г. в. II—III-й). Мне, к сожалению, не удалось использовать всех работ, указанных проф. Котвичем.

Программа для собирания сведений по культу медведя у тунгусских племен Сибири.

1. Точная справка о географическом распространении промысловых уходищ исследуемого племени; название рода, происхождения; его административная принадлежность; соседние племена и роды.

2. У кого получены сведения; если путем опроса, а не из личных наблюдений—дать характеристику лица—иц, с которых снимался опрос.

3. Охота на медведя; очерк промысла; слежка зверя, описание ловушек и т. д.

4. Существуют ли у данного рода специальные медвежьи празднества; когда; подробная обстановка.

5. Названия медведя по возрастам, „подставные (запретные) имена“,—их значение смысловое, когда употребляются, кем.

6. Добыча медведя в берлоге; подробная запись извинений перед убиваемым и убитым медведем (по тунгусски); умилостивительные песни (желательна запись мелодий).

7 Свежевание; обряд при этом; названия частей туши; можно ли распарывать брюшину; встреча охотников с добытым медведем в чумах.

8. Пиршество; кто принимает участие (подробно об участии женщин); какие части туши употребляют в пищу; нет ли специальной пиршественной посуды; как ведут себя пирующие.

9. Похороны медведя или частей его (шкуры, туши, головы); хоронят ли на особом помосте (лабазе) или просто на дереве; не затесывают ли деревья с четырех сторон (по странам света?)

в какую сторону уходит дух медведя, похоронные речи, извинения, песни.

10. Как называются по тунгусски Млечный путь, Большая Медведица, Орион, Полярная звезда; какое отношение имеют эти созвездия к медведю; не существует ли у рода космогонического (о создании мира) сказания, связанного с медведем; каким существом был медведь раньше, прежде чем стал зверем; какое отношение имеет он к данному роду (к его происхождению).

11. Какое отношение имеет медведь к душам утопленников, задавленных медведем и к „лесному духу“.

12. Медведь в шаманстве; изображение медведя на подвесках шаманского костюма, и особенно на унтах; превращение шамана в медведя.

13. Медведь в орнаменте; на каких предметах делают изображения медведя; в каких случаях изображения имеет значение предохранительное (на кисете), каким способом было нанесено изображение медведя, как наносили контур, как выполняли дальше рисунок; какие инструменты служили для работ; какие материалы употреблены; что свое, что кулено. Специальное (религиозное или иное) назначение материала (белый подшейный волос оленя — миф об его происхождении); какое значение имеют цвета, употребляемые для орнамента; орнаментная композиция; могут ли носить изображение медведя мужчины и женщины, или только один пол, старые или молодые, замужние или холостые; давность орнаментованного предмета: сколько поколений прошло с тех пор, как он сделан. Тщательно зарисовать изображение от руки или, лучше, приготовить эстамп при помощи растушевки и карандашной пыли, снять на стекле (окно), выдавить бумагу, скопировать изображение при помощи циркуля, сфотографировать *).

14. Медведь в медицине и ветеринарии; употребление и хранение желчи, лапы, жира.

15. Кушанья, приготовляемые из медвежьего мяса и внутренностей (названия), когда их едят, заготавливают ли впрок; что делают с огнем, на котором варилось кушанье из медвежьего мяса.

16. Сказки о медведе и другие произведения народной словесности (поговорки, загадки и т. д.).

17. Особые примечания собирателя.

*) § 13 составлен по статье Б. Э. Петри в газ. „Бурят-Монгол“ Иркутск, 1922 г. № 22.